

Чему еще научит российская революция: фактор П.Я. Чаадаева и политическая воля*

Г.Л. Тульчинский

Российская революция – процесс неоднозначной модернизации (начиная с конца XIX в.), которая до сих пор институционально не завершена. Ключевым моментом этого процесса являются события 1917 г., итогом которых стал приход к власти партии большевиков, последовавшие Гражданская война, становление политического режима, который придал модернизации чрезвычайно тяжелую для социума форму. Для объяснения этих событий предлагается парадокс П.Я. Чаадаева о перспективе победы несостоятельного социализма в силу несостоятельности его противников. Содержание этого «фактора Чаадаева» уточнено с помощью концептов политической воли и «черных лебедей» Н. Талеба. С этой точки зрения, переход социума в новое состояние – дело небольшого количества бескомпромиссных людей, лично заинтересованных в переходе, вовлеченных в этот процесс, сопричастных ему. В случае упрощения проблем и решений в сочетании с акцентированной бескомпромиссностью меньшинства и достаточной терпимости большинства, у представителей этого большинства возникает асимметрия в выборе. Результаты проведенного рассуждения выходят за рамки российского опыта и открывают новые теоретические и практические возможности применительно к проблемам пассионарности и толерантности. Так, при нарушении условия взаимности в толерантности, общество способно утратить иммунитет по отношению к преисполненным воли нетолерантным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: буржуазная революция, модернизация, национализм, нетерпимость, «пассионарность», политическая воля, российская революция, Талеб, толерантность, Чаадаев.

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, НИУ «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург; исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

gtul@mail.ru

Статья поступила в редакцию 3 декабря 2017 г.

Цитирование: *Тульчинский Г.Л.* Чему еще научит российская революция: фактор П.Я. Чаадаева и политическая воля // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 131–140.

2017 г. ожидаемо выдался богатым на научные конференции, приуроченные к столетию российских событий, радикально повлиявших на ход мировой истории. Автору этих строк довелось участвовать в конференциях, на которых отечественные и зарубежные историки,

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, проект № 18-18-00442: «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

© Тульчинский Г.Л., 2018 г.

политологи, социологи, искусствоведы предлагали широкий спектр попыток осмысления этих событий, их роли и значения. В этих трактовках наиболее острая фаза российской революции предстает в разбросе от начала новой эры человечества, цивилизационного прорыва до срыва модернизации и цивилизационной катастрофы. И выбор трактовки, с очевидностью, зависит даже не столько от концептуального аппарата, сколько от ценностных, если не идеологических установок осмысления. В данной работе предлагается подход к рассмотрению российской революции в более расширенном историческом контексте, увеличивая его до рассмотрения факторов социальной динамики, проявляющихся в любую эпоху.

С точки зрения первого расширения контекста рассмотрения российской революция — затянущаяся история буржуазной революции. «Буржуазная» понимается безоценочно, в буквальном историческом смысле — как приход к власти среднего класса, средой формирования которого выступает город. Практически во всех европейских языках слово «гражданин» восходит к слову «горожанин» (Bürger, citizen, citoyen, bourgeois...). И буржуазная революция (приход к власти горожан) закономерный этап развития цивилизации

С буржуазными революциями связано и формирование наций, национального самосознания, гражданской идентичности. В города, особенно в связи с индустриализацией, стекались люди разных народностей, этносов, религиозных взглядов. А в городах уже включались мощные социально-культурные технологии: единый административный язык, минимальный образовательный стандарт, медиа, развлечения, театр, литература, другие искусства, гуманитарные науки, особенно история, философия. Так формировалась новая легитимность принципиально новых, национальных государств. Нация — феномен модерн и формирования буржуазного общества.

В 1905—1914 гг. с очевидностью проявилось вхождение России в модерн, формирование нации. В России эти процессы получили выражение в плодах Великой реформы и последовавшем начале реальной модернизации. Политически это нашло выражение в Октябрьском манифесте 1905 г. Россия получила парламент, возникли партии, началось активное формирование законодательства. Возникла верхушечная городская культура «Серебряного века», активно шло освоение стиля модерн в городской архитектуре, промышленной инфраструктуре.

Однако перспективу модернизации по капиталистическому пути признали не все слои общества. Этот путь отвергали крестьяне, видя в «кулаках» «мироедов». Новую буржуазию, условных «лопахинных» не признали не только аристократы — владельцы «вишневых садов», но и интеллигенция, призывавшая «слушать музыку революции».

Тем не менее Первая мировая война вызвала невиданную волну патриотизма. Даже столица была переименована на русский лад. Густав Шпет из патриотических чувств отказался от второй «т» в своей фамилии. Братья Бахтины вошли в Общество третьего Возрождения («третьего» значит «славянского»), и старший брат, Николай, недоучившись, ушел на фронт. Можно привести великое множество других примеров.

Следующая фаза российской буржуазной революции (февраль 1917 г.) уже питалась слабостью царского режима, ставшего несостоятельным в Первой мировой войне, но и сама оказалась этой войной обессилена и была сметена Октябрьским переворотом, ввергнувшим страну в кровопролитие Гражданской войны.

Российский марксизм дал новую жизнь революционно-демократическому движению в фазе теоретического и политического кризиса народничества. Капиталистическая модернизация отвергалась в принципе, как и ее основа — частная собственность. А это уже давало оправдание не индивидуального, а массового террора. Как обычно на Руси, новейшее западное учение было понято как буквальное руководство к действию. Перчатка марксизма пришлась очень по руке бывшим, фактически тем же народникам — недоучившимся семинаристам, студентам-экстернам, «пошедшим другим путем». Гений Ленина заключался в том, что он смог почвенническое содержание упаковать в наукообразную западническую форму. А своевременный перехват эсеровских лозунгов и раздача земли крестьянам только довершили картину прихода большевиков к власти. В этом плане «Великая Октябрьская революция» предстает именно как реакция, как исторический спазм, срыв в архаику.

Дальнейшее хорошо известно... Показательно, что Советский режим укрепился не только и не столько победой в Гражданской войне, сколько экономическими успехами НЭПа. Мещочничество было укрощено продразверсткой военного коммунизма, разорением крестьян, не обескровить которых большевики не могли — иначе они не удержались бы у власти. Выборы 1925 г. показали шаткость позиций большевиков, перспективу сопротивления крестьянства и поднявшего голову нового среднего класса. Поэтому «Великий перелом» 1929 г. имел политическую мотивацию разгрома социальной базы оппозиции. «Пролетарская» партия взяла курс на индустриализацию.

Последующие события продолжили парадоксальность российского вхождения в модерн. Индустриализации требовались рабочие руки, она активизировала усилия по грамотности и базовому образованию, создала новую советскую интеллигенцию. Другими словами, индустриализация породила горожан, резко увеличила численность городского населения, обеспечивая его, пусть и пропагандистски окрашенное, но просвещение, приобщение к научному знанию, технологиям. Тем самым было обеспечено решение ряда классических задач модернизации. Стоит добавить новые социальные лифты для крестьян и их детей, гендерное равенство. Открывались новые горизонты жизни, освященные высокими идеалами построения нового, не виданного ранее общества. Этот энтузиазм создал сохранившийся до сих пор миф о счастливом советском обществе, о великой эпохе, персонифицированной вождем, учителем народов — и все это, несмотря на массовые репрессии, выкашивавшие целые слои общества. На фоне пропаганды о «врагах», «обострении классово-борьбы» и т.п., в ходе репрессий, похоже, создавались дополнительные социальные лифты, не говоря об использовании фактически рабского труда в системе ГУЛАГа.

Можно долго спорить, была ли это полноценная модернизация, или квази-, парамодернизация страны. Очевидно, что это был не столько шаг вперед, но и срыв в архаику. Впору вспомнить марксистскую формулу о том, что ни одна формация не уходит, не исчерпав полностью свои возможности. И тогда реальный советский социализм вполне можно квалифицировать как государственный феодализм.

Великая Отечественная война, восстановление, пропагандистское противостояние в холодной войне, достижения в освоении космоса, осуждение культа личности, хрущевская «оттепель» дали новый виток развитию гражданского самосознания. К 1960-м гг. в СССР половину населения страны уже составляли горожане. Сложилось массовое общество с предпосылками для перехода в общество массового потребления. Собственно, именно потребительские установки населения и сложившаяся партийно-хозяйственная номенклатура, пожелавшая институционально конвертировать власть в собственность, и развалили СССР. Сформировавшаяся номенклатура типологически близка «менеджерам» Д. Бернхема [Burnham 1941], «революция» которых открывала перспективу «конвергенции» [Гэлбрейт 2004].

Горбачевская «перестройка», романтически предполагавшая вхождение страны в мировое экономическое и политическое пространство, отказ от холодной войны, новое мышление, гласность и прочий «социализм с человеческим лицом», была поддержана именно горожанами — интеллигенцией, бюджетниками, теми, кто больше всех проиграл в результате этих пертурбаций, особенно поспешной «прихватизации».

Казалось, что вот уже оно на пороге — либерально-демократическое общество... Но отмена руководящей роли КПСС, территориально-производственный принцип ее организации и деятельности, фактически выдернули гвоздь, на котором держался СССР. Этнофедералистский дизайн, который никто всерьез не воспринимал, неожиданно наполнился реальным содержанием, которое было именно национально-буржуазным. Сформировавшиеся национальные элиты решили стать полноценными хозяевами своего «бутика».

Было ли это новой волной «домодернизации» страны, новым этапом буржуазной революции? Отчасти и несомненно — да. Появились новые собственники, предприниматели. Сформировалось уже два поколения людей, у которых появились свои квартиры, машины, у некоторых бизнес, и у них появился запрос на жизнь по правилам. Это продемонстрировал довольно массовый гражданский протест 2011 г. против фальсификаций на выборах

в Госдуму. Протест был именно гражданский, а не политический. Таким же гражданским протестом был и протест против коррупции 26 апреля 2017 г. Более того, у этих горожан возникла вполне естественная потребность гордиться своей Родиной. Этот естественный буржуазный национализм не был правильно понят либеральной общественностью. Бывшие советские правозащитники не признали национализм новой буржуазии, а та не увидела места в новой жизни своим буреветникам. Пик этой волны буржуазного национализма пришелся на события 2014 г. – ровно через 100 лет.

Сказывается также смысловой сбой советской национальной политики, с ее отождествлением этничности и национальности (достаточно вспомнить пятую графу в паспортах, где этническая принадлежность обозначалась как национальность). В результате современный российский социум не воспринимает идею гражданской идентичности, на которой основывается буржуазный национализм. Формирование нации может идти «снизу», на базе аккультурации («русскость»), и «сверху», на базе правовых институтов («российскость») [Миллер 2016, 142]. В современной России все наоборот: государство («сверху») апеллирует к культурно-историческому наследию, а граждане («снизу») – к правовым гарантиям. Да и патриотический энтузиазм проявляется больше в сфере потребления: в форме «диванной поддержки» славных побед на международной арене над недругами России, демонстрируемых на экранах телевизоров, ношении патриотичных футболок, бейсболок... И на этом фоне реально социум не консолидирован. Дело даже не в социальном неравенстве, а в пронизывающем все уровни и формы социума недоверии. Парадоксальность этого этапа буржуазной революции в России в акцентировании исторической памяти, отсутствии образа будущего и пути к нему. Но все это уже выводит за рамки данного рассуждения, главным итогом которого можно признать, что буржуазная революция, которая причудливым образом длится в России уже более столетия, все еще далека от институционального завершения [Тульчинский 2017^б; Тульчинский 2017^а].

И причины этой затянувшейся парадоксальности коренятся именно в событиях 1917 г., когда большевики фактически возглавили крестьянскую революцию, чтобы потом, обескровив крестьянство и за его счет, продолжить индустриализацию и урбанизацию, причудливым образом вернув страну в ситуацию модерна, который оказался квази-, пара-, недомодернизацией страны. Экономическое соревнование с капитализмом было проиграно. Более того, практически все технологии, инновации были заимствованы в развитых странах. Не дал социализм и нового уровня свободы. Наоборот, фактически было воспроизведено феодальное, если не кастовое общество. Индустриализации предшествовала коллективизация, добившая российскую деревню. Вопреки марксизму, под флагом которого шли преобразования, реальный социализм не дал качественно более высокого уровня производительности труда. Экономическое соревнование с капитализмом было проиграно. Более того, практически все технологии, инновации были заимствованы в развитых странах. Не дал социализм и нового уровня свободы. Наоборот, было воспроизведено фактически феодальное, если не кастовое (достаточно вспомнить «лишенцев») общество. Индустриализации предшествовала коллективизация, добившая российскую деревню. Крестьяне работали за «палочки» Впору вспомнить марксистскую формулу о том, что ни одна формация не уходит, не исчерпав полностью свои возможности. И тогда реальный советский социализм вполне можно квалифицировать как государственный феодализм [Восленский 1991]. При этом российская история, и не только новейшая, есть история власти, возникшей ради кормления, заботящейся о самой себе, высасывающей и обессиливающей общество [Тульчинский 2015].

В этой связи российская история – это еще и история краха и фальсификации респектабельных политических теорий и концепций, которые берутся в качестве руководства к практическому действию. Наглядными примерами являются научный социализм, либерализм, институционализм. Взятые за основу принятия решений и их реализации, они с завидным постоянством давали результаты, противоположные предполагаемым. Обобщение этих неудач было оформлено в концепции колеи, русской матрицы, особого пути и т.п., закрепляющих российский опыт как тупиковый и патологичный.

В истории российской политической мысли была личность, заслуживающая особого внимания хотя бы потому, что этот человек «знал всех». Он лично дружил с декабристами (и был членом первого тайного общества), с А.С. Грибоедовым и А.С. Пушкиным, служил адъютантом двух императоров, общался в Германии с Шеллингом, внимательно читал К. Маркса и Ф. Энгельса. Личная его судьба архетипична для русского интеллигента, быть объявленным лично императором психически больным. Через общение с ним прошли ранние славянофилы и западники. Ему посвящены две книги в серии «Жизнь замечательных людей»: в одной убедительно обосновывается его либерализм [Лебедев 1965], а в другой — религиозное почвенничество [Тарасов 1986].

Все высказанное приведено только для того, чтобы обратить внимание на известную запись, сделанную П.Я. Чаадаевым в 1853 г.: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что неправы его противники» [Чаадаев 1991, 506]. В свете приведенных фактов жизненного пути П.Я. Чаадаева, очевидно, что только он мог и имел основания утверждать такую, на первый взгляд, парадоксальную мысль. У социализма (как идеологии и политической программы) нет собственной победительной силы и исторической правоты. Но еще большую неправоту и слабость П.Я. Чаадаев видит у противников социализма, которых он в другой записи охарактеризовал довольно жестко: «Русский либерал — бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче; солнце это — солнце запада» [Там же, 469]. М.М. Пришвин, не читавший записей П.Я. Чаадаева, в своем дневнике сделал запись, удивительно продолжившую чаадаевскую интуицию: «Накануне революции московская и петербургская интеллигенция держалась за столб дыма. Вот ветер и подул».

Эту мысль П.Я. Чаадаева можно трактовать как некую принципиальную и изначальную «левизну» российского социума, его «общинность» и «коллективизм», акцентуацию на распределительной справедливости, доминирование ressentiment в общественном сознании. Такая трактовка представляется мне поверхностной.

Еще раньше — в «Первом философическом письме» — Чаадаев писал об уроке «как не надо», который Россия призвана преподать миру. Реконструкция содержания этого урока, как представляется, способна открыть глубокий и принципиально важный смысл, связанный с чаадаевской идеей «победительности» исторически несостоятельного социализма. Логика предлагаемой реконструкции исходит из представлений о том, что политические институты вторичны по отношению к политическим процессам, связанным с решением определенных политических проблем конкретными людьми в конкретных ситуациях. И каждое новое решение создает новую конфигурацию расстановки сил, возможностей, коммуникаций. Поскольку фактография русской революции известна достаточно хорошо, постольку главного внимания заслуживает концептуальная реконструкция, позволяющая выйти на исторические обобщения, включая новейшую историю. В этой реконструкции используются два концепта: политической воли и теория «черных лебедей» Н. Талеба.

История есть равнодействующая воля, поэтому центральным концептом предлагаемой реконструкции является политическая воля — понятие, активно используемое в нормативных документах, интерпретациях, но содержание которого до сих пор не уточнено и не операционализировано должным образом. Обычно оно или сводится к намерениям (стремлениям, целям, интересам), или расчетам рисков, консолидации ресурсов (в духе развернутого бизнес-плана), или к особенностям политических акторов (включая личностные особенности лидеров), их мобилизации и настойчивости.

Проведенная аналитика содержания концепта политической воли [Тульчинский 2017^a; Белолипецкий, Тульчинский 2017] показывает, что в политической воле помимо формулировки проблем, способов их решения, точности расчета, консолидации сторонников, решительности в подавлении возможного сопротивления важную роль играет когнитивно-эмоциональная составляющая — не просто знание нежелательного настоящего и образ привлекательного будущего, но именно отрицание настоящего и убежденность в справедливости цели и ее достижимости (сопричастность цели, придание ей полного статуса реальности). В этом плане та или иная степень утопичности в политических решениях неизбежна. Утопия — это то, чего нигде и никогда не было,

но это не означает, что быть не может. И люди обычно лучше знают, что они не хотят вот так, как здесь и сейчас, чем представляют, чего же они хотят (чего-то, что еще не было, но может быть). А сопричастность этому отрицанию сущего, нетерпимость его придает особую энергетику усилиям и действиям политических акторов.

Именно катафатический эмоционально-когнитивный опыт лежит в основе всех радикальных поворотов в истории. И в России накоплен колоссальный когнитивно-эмоциональный потенциал знания нежелательного негативного опыта крепостничества, «научного» социализма и начинающего пробуксовывать либерализма. А современные средства массовых коммуникаций открывают нетривиальные возможности накопления и канализации такого потенциала, который может быть как конструктивным, так и отрицательным. «Победа социализма» в России была временной и разрушительной. Но предупреждение Чаадаева сохраняет свое значение для новых цивилизационных условий.

«Фактор Чаадаева» означает, что побеждает тот, противники которого неправы, точнее, несостоятельны. Как в футболе, да и в любом спорте победитель выступил так, как позволил противник. И тут самое время перейти к теории «черных лебедей», под которыми Н. Талеб [Талеб 2009; Талеб 2016] понимает события, играющие важнейшую роль, но трудно прогнозируемые, происходящие вопреки статистическим трендам. Формализацией такого анализа является аппарат «ренормализационной группы» в теории фазовых переходов в квантовой теории поля – итеративный метод перенормировки, в котором переход от областей с меньшей энергией к областям с большей вызван изменением масштаба рассмотрения системы. Физический смысл такого перехода связан с фрактальным самоподобием – «конформной инвариантностью», в которой система выглядит одинаково на всех уровнях. Причем конформные преобразования включают дополнительные генераторы. В настоящее время этот аппарат получил применение уже не только в физике (включая физику твердого тела, гидродинамику), но и в эконометрике, а благодаря Н. Талебу и в социальной сфере. Хорошим примером таких событий является иногда неожиданный и необъяснимый приход к доминированию в социуме меньшинства. И при этом возникает иллюзия сохранения господства выбора и предпочтений большинства.

Н. Талеб исходит из идеи, что поведение сложной системы, как целого, нельзя предсказать по свойствам его частей. Так, изучение отдельных муравьев (даже всех муравьев в муравейнике) ничего не даст для понимания устройства муравейника. Для понимания целого важно понимание взаимодействия его частей. Если такой подход применить к социуму, то выясняется, что для его перехода в новое состояние достаточно активности, на первый взгляд, несущественной его части, например, небольшого количества бескомпромиссных людей, лично заинтересованных в переходе, вовлеченных в этот процесс, сопричастных ему. И в случае акцентированной бескомпромиссности (нетерпимости к отклонениям от желаемого должного) и достаточной терпимости большинства, у представителей этого большинства возникает асимметрия в выборе.

Так, люди, соблюдающие кашрут или халяль, никогда не станут есть трешку или харамную пищу, есть которую ничто не запрещает остальным людям. Но эти остальные вполне могут есть кошерное и харамное. Если бескомпромиссная группа живет компактно, то ее ценностно-нормативные установки к большинству остаются неприменимы. Но когда такое меньшинство распределено в социуме (в силу экономических факторов или политики государства), большинство станет подчиняться установкам меньшинства, особенно если соблюдение этих правил не требует высоких затрат. Во-первых, всякие запреты и ограничения снижают затраты. И, во-вторых, унифицируется рынок товаров или услуг. Отчасти этим объясняется всемирный успех таких франшиз фастфуда, как McDonald's или Starbucks: ограниченное меню выглядит безопасным выбором.

Аналогично рост популярности автомобилей с автоматической коробкой передач связан отнюдь не с тем, что большинство водителей предпочитают ездить на «автомате». Просто те, кто может управлять машиной с ручной коробкой передач, могут спокойно пользоваться и автоматической, но никак не наоборот.

Речь идет не только об экономических, но и о политических рынках. Так, в романе М. Уэльбека «Покорность» убедительно показано, как в считанные дни во Франции могут прийти к власти исламисты в результате выборов и политического торга: за либералами остается экономика, социалистам гарантируются социальные блага, зато культура, образование и СМИ становятся подконтрольны исламистам. И социум переходит в новое состояние — при пассивной поддержке обывателей и даже при сохранении большей части элиты. Собственно, аналогичным образом в свое время и Гитлер пришел к власти. Нетерпимое меньшинство может взять под контроль демократию не только с помощью популизма, «бьющего по площадям».

В наше время разработаны компьютерные модели выборов, в которых достаточно некоторому меньшинству превысить определенный уровень, чтобы оказаться способным навязать свою позицию большинству. Похоже, что именно такой подход, с использованием Big Data, реализуется в программах типа Ocean, использованной на решающей стадии избирательной кампании Д. Трампа. Ключевую роль в таких случаях играет работа не столько со своей группой поддержки, сколько с частью электорального «болота», которая может проголосовать за продвигаемого кандидата или партию — аналогично некошерным, которые могут есть кошерное.

В таких процессах можно отметить роль «дополнительных генераторов». Таковыми могут выступать «специальные события», способствующие переключению или отвлечению текущей повестки внимания общественного сознания: поджог парламента, взрывы домов, политическое убийство, военные действия и т.п. В толпе легко вызвать панику. А современное массовое общество потребления к этому просто склонно — об этом чуть ниже.

Развитие общества — в экономике, политике, искусстве, науке, морали, религии — определяется не большинством, а меньшинством. Дело не в дебатах, консенсусах, обсуждениях, комитетах, голосованиях. Для перехода достаточно активного меньшинства, которое должно отвечать нескольким условиям. Во-первых, его численность должна приближаться к 10% социума, и, во-вторых, оно должно обладать волей — не только желать достижения целей или также обладать для этого ресурсами. Главное — упрощение проблем и решений в сочетании с самоотдачей таким решениям. Чаще всего это маргиналы, обездоленные молодые люди, лишенные перспективы в традиционном социуме. Именно такая среда порождает викингов, конкистадоров и прочих людей «свободного состояния» и «длинной воли», оказывавшихся в истории создателями новых империй, и которых Л.Н. Гумилев называл «пассионариями» [Гумилев 2016].

Русская революция дает тому критическую массу примеров. Начиная с террористов «Народной воли», продолжения в партии «нового типа» (по словам М. Горького — «чудо-партии» по ту сторону добра и зла), сталинском «ордене меченосцев»... И на всех этапах, буквально по П.Я. Чаадаеву, противники оказывались несостоятельными. Достаточно вспомнить состояние династии, поведение кадетов, конфликты в правительстве социалистов, конфликт Л. Корнилова и А.Ф. Керенского в критический момент. Но, повторяю, сама фактология известна достаточно хорошо, как и труднообъяснимые с традиционных позиций «больших теорий» обстоятельства: маргинальность большевиков даже среди партий социалистической ориентации зимой-весной 1917 г., отчаянные попытки манипуляции и перехватывания лозунгов, неудача июньских выступлений. И — осенний «ренессанс», не замеченный публикой октябрьский переворот, проглоченный обществом разгон долгожданного Учредительного собрания. Утверждение советской власти и победа в Гражданской войне. Недавно дошло до того, что эти труднообъяснимые успехи большевиков А.М. Столяров объяснил обращением Л.Д. Троцкого за помощью к inferнальным силам [Столяров 2015].

Между тем большевикам и их лидерам (среди которых ведущую роль играли маргиналы, представители этнических меньшинств, недоучившиеся студенты и семинаристы), при всем их циничном политическом лавировании, нельзя отказать в «длинной воле», личной преданности делу отрицания не только царского режима, но и проектов политических противников и временных союзников. Недаром укрепившийся режим первым делом начал избавляться от этих людей.

Но и постсоветская история убедительно подтверждает нетривиальную роль обесцененной политической воли российского общества, его неспособности противостоять бескомпромиссной нетерпимости. Выдвижение Б.Н. Ельцина, результаты плохо продуманных реформ, призывание Ленсоветом А.А. Собчака, утверждение постъельцинского политического режима, «православный чекизм», Чечня.

Не менее яркие примеры дает и современный мировой опыт: кризис политики толерантности, «возвращение ислама» и т.п. Общество массового потребления, утрачивает образ будущего. Более того, оно боится будущего, опасаясь потерять настоящее, и погружается в аларм и хорорризацию, тем самым утрачивая иммунитет по отношению к преисполненным воли нетолерантным. И такое уже было в мировой истории, и не один раз.

Становится все более очевидным, что мультикультурализм — неизбежный и полезный в условиях глобализации — и политика толерантности имеют разную природу. Прежде всего, это относится к толерантности, которая воспринимается нетолерантными как проявление слабости. В свое время христианство победило, благодаря религиозной нетерпимости и агрессивному прозелитизму, тогда как римское язычество проявляло терпимость к верованиям покоренных народов. Современный ислам фактически повторяет этот путь.

Результаты проведенного рассмотрения, как представляется, выходят за рамки российского опыта. В этом плане П.Я. Чаадаев оказался прав — Россия преподала и преподает хороший урок роли политической воли в победе меньшинства, роли нетерпимости и настойчивости.

Развитие данного круга идей, как представляется, способно пролить новый свет на концепцию «пассионарности» Л.Н. Гумилева, избавив ее от налета паранаучности и наполнив реальным операциональным содержанием. Давно уже замечено, что взрывы «пассионарности» связаны не только с загадочным «космическим излучением», гипотезу о котором высказывал Л.Н. Гумилев, или с зонами сейсмической активности, но с другими, более близкими общественным наукам явлениями, например, ростом в демографической структуре социума доли молодежи мужского гендера. Так было в эпоху походов Чингисхана, в эпоху Крестовых походов, во время Конкисты... Похожая ситуация была и в России начала XX столетия. Теперь такая ситуация складывается в арабских странах. Молодежь, в силу своей избыточности не имеющая возможности полноценной социализации, ищет и находит способы самореализации и самоутверждения.

Но в любом случае следует извлечь главный урок и внимательно присмотреться к новым «знающим, как надо», новым носителям нетерпимости, новым самозванцам, желающим и готовым делать других людей счастливыми помимо и вопреки их воле. И всерьез, ответственно ответить на вопрос о допустимости толерантности к нетолерантным. XX век оставил нам урок морали — подсудны не цели, а используемые для их достижения средства. Все хотят добра, только представления о нем различны. Поэтому подсудны именно и прежде всего средства. Но это уже другая тема.

Источнику — Primary Sources

Гумилев 2016 — *Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли*. М.: Айрис-Пресс, 2016 (Gumilyov, Lev *Ethnogenesis and Biosphere of the Earth* (in Russian)).

Тaleb 2009 — *Тaleb Н. Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости*. М.: Колибри, 2009 (Taleb, Nassim Nicholas *The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable* (Russian Translation 2009)).

Тaleb 2016 — *Тaleb Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса*. М.: 2016 (Taleb, Nassim Nicholas *Antifragile: Things That Gain from Disorder* (Russian Translation 2016)).

Чаадаев 1991 — *Чаадаев П.Я. Отрывки и разные мысли // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма*. Том 1. М.: Наука, 1991 (Chaadayev, Pyotr (1991) *Fragments et pensées diverses* (Russian Translation)).

Белоплицкий, Тульчинский 2017 – *Белоплицкий Е.В., Тульчинский Г.Л.* Политическая воля: содержание концепта // Политическая рефлексия, теория и методология научных исследований. Ежегодник РАПН 2017 / Гл. ред. А.И. Соловьев. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 187–211.

Восленский 1991 – *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Политиздат, 1991.

Гэлбрейт 2004 – *Гэлбрейт Д.К.* Новое индустриальное общество. М.: Транзиткнига, 2004.

Лебедев 1965 – *Лебедев А.А.* Чаадаев. М.: Молодая гвардия, 1965.

Миллер 2016 – *Миллер А.И.* Нация, или Могущество мифа. СПб: Изд-во ЕУ СПб., 2016.

Столяров 2015 – *Столяров А.М.* Обратная перспектива. М.: ЛитСовет, 2015.

Тарасов 1986 – *Тарасов Б.Н.* Чаадаев. М.: Молодая гвардия, 1986.

Тульчинский 2015 – *Тульчинский Г.Л.* Российская политическая культура: особенности и перспективы. СПб.: Алетейя, 2015.

Тульчинский 2017^a – *Тульчинский Г.Л.* Буржуазная революция в России – когда и почему // Революции в отечественной и мировой истории: К 100-летию российских революций 1917 года. СПб.: СПб ГУПТД, 2017. С. 394–397.

Тульчинский 2017^b – *Тульчинский Г.Л.* Осмысление российских инверсий: от А. Ахизера к С. Хедлунду // Леонтьевские чтения, 2017. СПб., 2017.

Ссылки на иностранных языках см. в разделе References.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 12. P. 131–140

What Else Can the Russian Revolution Teach: the Pyotr Chaadayev Factor and the Political Will*

Grigorii L. Tulchinskii

The Russian revolution is a process of ambiguous modernization (since the end of the 19th century), which is still not institutionally completed. The key moment was the events of 2017. Their result was the coming to power of the Bolshevik Party, the Civil War, the formation of the political regime, which gave the very traumatic modernization form for socium. To explain these events, we propose a P. Chaadayev paradox about the prospect of the victory of historically untenable socialism because of the untenable of its opponents. The "Chaadayev factor" content clarified with the help of the concepts of political will and N. Taleb's "black swans". From this point of view, the society transition into a new state is a matter of a small number of uncompromising people, who are personally interested in the transition, involved in this process. Success comes in the case of simplification of problems and solutions in combination with the accentuated uncompromising minority and sufficient tolerance of the majority, when representatives of this majority have an asymmetry in their choice. The review results are beyond the scope of Russian experience and open up new opportunities for analyzing and solving problems of passionarity and tolerance. For example, if the reciprocity in tolerance conditions will violated, the society may lose immunity in relation to the willful intolerant minority.

KEY WORDS: bourgeois revolution, Chaadayev, intolerance, modernization, nationalism, "passionarity", political will, Russian revolution, Taleb, tolerance.

TULCHINSKII Grigorii L. – DSc in Philosophy, Professor, St Petersburg State University; National Research University "Higher School of Economics" – St Petersburg, Russia; Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

gtul@mail.ru

* The study was performed under the grant of the Russian Science Foundation (№18-18-00442) "Mechanisms of sense formation and textualization in social narrative and performative discourses and practices" at the E. Kant Baltic Federal University.

Received at December, 3 2017.

Citation: Tulchinskii Grigoriy L. (2018) “What Else Can the Russian Revolution Teach: the Pyotr Chaadayev Factor and the Political Will”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2018), pp. 131–140.

DOI: 10.31857/S004287440001891-5

References

Belolipetskii, Eugenii V., Tulchinskii Grigoriy L. (2017) ‘Political Will: the Content of the Concept’, *Political reflection, theory and methodology of scientific research. Yearbook of the RAPN 2017*, ed. Alexandre Soloviev, Politicheskaja Enciklopedia, Moscow, pp. 187–211 (in Russian).

Burnham, James (1941) *The Managerial Revolution: What is Happening in the World*, The John Day Company, New York.

Galbraith, John K. (1967) *The New Industrial State*, The James Madison Library in American Politics (Russian Translation 2004).

Lebedev, Alexandre A. (1965) *Chaadayev*, Molodaja Gvardija, Moscow (in Russian).

Miller, Alexey I. (2016) *Nation or Power of Myth*, EU St Petersburg, St Petersburg (in Russian).

Stoljarov, Andrej I. (2015) *The Reverse Perspective*, LitSovet, Moscow.

Tarasov, Boris N. (1986) *Chaadayev*, Molodaja Gvardija, Moscow (in Russian).

Tulchinskii, Grigoriy L. (2015) *Russian Political Culture: Features and Prospects*, Aleteja, St Petersburg (in Russian).

Tulchinskii, Grigoriy L. (2017^a) ‘Bourgeois Revolution in Russia – when and why’, *Revolution in National and World History: to 100 Anniversary of Russian 1917 Revolutions*, SUTD, St Petersburg, pp. 394–397 (in Russian).

Tulchinskii, Grigoriy L. (2017^b) ‘Understanding of Russian Inverstions: from A. Acheser to C. Hedlund’, *Leontiev’s Readings*, St Petersburg (in Russian).

Voslenskii, Mikhail S. (1991) *Nomenclature*, Politizdat, Moscow (in Russian).